

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Г. Г. БЕРНАЦКИЙ заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Ч. ВАРГА почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор
- О. В. ВЕРБОВАЯ профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- В. Г. ГРАФСКИЙ главный научный сотрудник, заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, член Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственной Думы РФ, доктор юридических наук, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. А. КОВАЛЕВ доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук
- А. В. КУЗЬМИН заведующий кафедрой теории и истории государства и права Балтийского гуманитарного института, кандидат юридических наук, доцент
- В. В. ЛАПАЕВА советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник сектора теории права и государства Института государства и права РАН, доктор юридических наук
- О. В. МАРТЫШИН профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук
- Л. А. ПАСЕШНИКОВА первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук
- Е. А. ПЕТРОВА доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук
- Г. М. РЕЗНИК вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Р. А. РОМАШОВ профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ
- Э. Л. САДЫКОВА профессор кафедры медицинского права, общественного здоровья и управления здравоохранением Российской медицинской академии последипломного образования, доктор политических наук, кандидат юридических наук
- К. Е. СИГАЛОВ директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД РФ им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук
- В. А. ТОКАРЕВ заведующий кафедрой истории государства и права Самарской государственной областной академии (Наяновой), кандидат юридических наук
- В. В. ТРОФИМОВ профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук
- С. Ф. УДАРЦЕВ директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства Казахского гуманитарно-юридического университета (Астана), доктор юридических наук, профессор
- И. Л. ЧЕСТНОВ профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ
- В. Л. ЭНТИН директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университет) МИД России, кандидат юридических наук

Л. А. ПАСЕШНИКОВА¹: — Добрый день, уважаемые коллеги! Мне чрезвычайно приятно приветствовать вас здесь в третий день работы Международных Лихачевских научных чтений. Надеюсь, что сегодня мы проведем еще один содержательный и интересный день науки в Университете.

Предоставляю слово члену-корреспонденту Российской академии наук, ректору СПбГУП, профессору Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, хочу приветствовать вас от имени Оргкомитета Лихачевских чтений!

Юридический мир насыщен конференциями по проблемам развития юридической науки, практики, юридического знания. Мы же хотели бы видеть юриспруденцию в неразрывной связи с другими гуманитарными науками и дисциплинами. Сегодня это в нашей стране становится особенно важно.

Как известно, в обществе действуют жесткие и мягкие регуляторы. Последние 25 лет существенной частью общества и особенно средствами массовых коммуникаций свобода понимается как отсутствие мягких регуляторов. В годы перестройки был распространен девиз, что разрешено все, что не запрещено. С точки зрения жестких регуляторов это именно так. Но с большой остротой встает вопрос о мягких регуляторах.

Что делать, когда возникают проблемы с мягкими регуляторами? Приведу один пример. В Университете Беркли, цитадели американской свободы, зародилось движение хиппи. Однажды в этот уважаемый университет, один из лучших в США, студент пришел на занятия абсолютно голым. Ему на это попеняли, на что он ответил: «Что я нарушил?». Ему сказали: «У нас так не принято. Можно прийти в шортах, босоножках, шлепанцах, трусах, но нельзя голым». Он попросил показать закон, где это написано. Декан факультета попытался найти в Уставе университета регламентирующий документ, но не нашел. Более того, и в Конституции Соединенных Штатов Америки не записано, что нельзя ходить голым на занятия. Но в то же время это не означает, что можно. Где в данном случае мораль, мягкие регуляторы, совесть, правила приличия?

Культура основана на ограничениях. Она начинается со слова «нельзя», которое ребенок должен усвоить еще в детстве от родителей. Дальше следует слово «надо». Еще одно слово, которое должен усвоить ребенок, — «Родина». И т. д. Культура ставит перед нами массу ограничений, неписаных правил, которые гармонизируют жизнь общества.

¹ Первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук. Автор более 30 научных публикаций: «Понимание “свободы образования” в контексте национальной правовой культуры современной России», «К вопросу о месте института академической свободы в национальной и международной системе прав человека и гражданина», «Социальное партнерство как предпосылка и условие формирования академической свободы», «Академическая свобода в системе конституционных прав и свобод личности» и др. Награждена медалями «За трудовое отличие», «К 300-летию Санкт-Петербурга», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего образования (2016).

В итоге в муниципалитете Беркли приняли закон, устанавливающий, что нельзя ходить голым на занятия. На следующий день после его принятия на демонстрацию вышли 30 голых студентов с плакатами, протестуя против этого закона. На них не стали обращать внимания, и когда наступили холода, они просто оделись, и на этом все закончилось. А проблема осталась.

Сегодня в обществе распространено ложное понимание свободы и не существует необходимого морально-нравственного климата. В Советском Союзе были совершенно деформированы гражданское общество, гражданские институты и т. д. Перестройка закончилась тем, что партию разогнали, и теперь никто не следит за моралью, а другие институты не сложились. Это привело к возникновению негативных процессов.

Госдума теперь все увеличивает выпуск законов, что, на мой взгляд, не должно подменять существование морали и нравственности.

Поэтому для нас, культурологов, очень важен вопрос: в чем должна быть роль юриспруденции и в чем — морали? Для юристов это тоже серьезная проблема, потому что возникают все новые вызовы.

Я неприятно поражен тем, что сегодня происходит в сфере средств массовой коммуникации. Нельзя запретить свободу слова, но формирование глубокой культуры должно идти параллельно с совершенствованием юриспруденции, правоохранительных и правоприменительных механизмов и т. д.

На мой взгляд, современная эпоха в России вывела на авансцену целый ряд вопросов, которые западной цивилизацией решались на протяжении длительного периода времени. Мы с Генри Марковичем, обсуждая экспесс с “Pussy Riot”, пришли к выводу, что западное общество через это уже давно прошло, там были выработаны соответствующие механизмы и подходы. А мы на многие грабли наступаем впервые, что очень болезненно.

На Лихачевских чтениях есть смысл обсуждать в первую очередь подобные вопросы: то, что происходит в юриспруденции во взаимосвязи с культурой, что происходит в культуре во взаимосвязи с юриспруденцией. Это серьезная проблема, и я уверен, что с вашей помощью мы продвинемся в ее решении. Хочу пожелать вам успехов в работе!

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Предоставляю слово членам нашего президиума, что и послужит началом нашей дискуссии. Первым выступит Гадис Абдуллаевич Гаджиев.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Хочу напомнить идею одного из величайших юристов XX века Ганса Кельзена, которая стала реальностью. Это идея основной нормы, из которой, в конце концов, логично сформировалась целая система конституционных судов. Это уникальное явление в истории права, когда идея одного человека столь обширно материализовалась. Но в конце XX века стало очевидно, что Кельзен во многом был глубоко неправ, в частности, когда утверждал, что право должно быть абсолютно автономно, что это закрытый анклав общей действительности. Выступая за независимость

права от теологии и политики, он тем самым обрывал и интеллектуальные связи.

С моей точки зрения, право — самый сложный феномен человечества в силу своей сложнейшей контекстуальности. Каждая юридическая норма находится в контексте не только других юридических норм, правопорядка в целом, системы международно-правовых норм, но и сложнейших культурных норм, экономических реалий. Все это оказывает влияние на право через сознание человека. Поэтому так трудно познать право. Поэтому неизбежны и бесконечны споры о том, что такое право, о концепциях правопонимания и т. д. Повторяю: Кельзен был неправ, утверждая, что право автономно. Право погружено в сложнейший контекст.

Я регулярно участвую в Лихачевских чтениях, выступая с докладами, иногда даже в ущерб Юридическому форуму, потому что здесь предоставляется уникальная возможность пообщаться с выдающимися российскими учеными — философами и экономистами, каждое высказывание которых содержит глубокую мысль.

Ч. ВАРГА: — Принудительная сила права может применяться и работать только тогда, когда направлена против меньшей части населения, а для большинства право стало этическими нормами, и население в целом руководствуется ими.

Протицирую известного австралийского правоведа и философа Джона Финниса: «Верховенство права не является и не должно быть коллективным договором о совместном совершении самоубийства». То есть оно должно служить благу и процветанию общества. Являясь частью национальной культуры, право в то же время должно иметь автономию. Это значит, что оно нивелирует всю сложность жизни до одного аспекта — запрета.

И еще одна цитата, на этот раз американского генерала (который мог бы быть и большевистским генералом): «Кажется, мы просто не знаем, что делать с террористами, но у нас есть хорошее вооружение и хорошая армия, и мы можем свергать правительства. Полагаю, что если в качестве инструмента у тебя есть только молоток, то любая проблема выглядит гвоздем».

Мы должны понимать, что такое право, но в то же время от нас ожидают, что мы будем служить на благо стран и обществ.

Г. М. РЕЗНИК: — Я, как и Гадис Абдуллаевич, каждый раз приезжаю в этот Университет, чтобы пообщаться с представителями других наук — экономистами, философами, психологами, узнать различные мнения и новые идеи. Маркс в свое время сказал, что право, оформившись в закон, перестало быть только обычаем. Переход к праву как регулятору отношений между людьми и создание правовых основ, на которых сейчас базируются международно-правовые акты, произошли после секуляризации общества. Правовые нормы не насаждаются кем-то сверху, они веками нарабатывались в истории человечества. Вначале жизнь общества регулировалась обычаями, затем они были закодированы как религиозные нормы, которые перекликивались в светское право.

Нынешние международно-правовые акты, ратифицированные практически всеми государствами мира, возникли, когда человечество ужаснулось тому, что может сделать тоталитарный режим с людьми с помощью законов и к чему он может привести — поставить человечество на грань уничтожения. Декларация прав человека и последующие акты были подписаны странами с разными политическими режимами. Сложность заключается в том, что многие государства, в частности Советский Союз, подписывая, прекрасно понимали, что не будут их выполнять. И все же, когда мы сегодня говорим о толерантности, о том, что на свете есть много социокультурных моделей, сформированных условиями жизни и историческими традициями в разных странах, я задаю вопрос: «Как быть с актами, которые уже приняты всеми и ратифицированы? Мы должны признать, что в некоторых местах культурные традиции не позволяют соблюдать права человека? Более того, можно согласиться с тем, что они там нарушаются?»

Когда нарушаются права человека и происходит геноцид в какой-нибудь слаборазвитой африканской республике, у мирового сообщества есть возможность пресечь такие нарушения, хотя бы воздействуя через Совет Безопасности ООН. Но что можно сделать с такой мощной страной, как Китай, когда танки раздавили на площади тысячи студентов? Ничего сделать нельзя. Однако если человечество приняло конвенцию о правах человека, которая должна определять правовую конструкцию всех государств, то, наверное, негативная реакция в данном случае должна быть.

Жизнь есть жизнь, и существует много «сухих сынов», среди них есть наши «сухины сыны» и не наши (цитирую одного известного политика), но это не должно порождать у правоведов двойные или тройные стандарты. Это могут себе позволить политики, но мы, юристы, прекрасно понимаем, что в международном праве некоторые сложнейшие ситуации невозможно разрешить при нынешнем состоянии международного законодательства. Например, в Уставе ООН, в различных гражданско-политических и социально-экономических актах закреплено право наций на самоопределение. Кто-нибудь может назвать критерии, по которым это право можно отличить, скажем, от сепаратизма? В подобных ситуациях мы сталкиваемся со сложнейшим противоречием, касающимся национальных интересов. Как поступать в такой ситуации, когда нарушается право, попираются некоторые процедуры, предусмотренные, в частности, правительством?

Надеюсь, что турбулентность, которую мы сегодня наблюдаем, — временная и скоро будет преодолена, но полагаю, что нам, правоведам, в подобной ситуации лучше промолчать. Я представил себя на месте адвоката, которому предложили представлять ту или другую сторону в известном конфликте. И с удивлением обнаружил, что мог бы аргументированно выступать и на одной, и на другой стороне. Возможно, я склонен считать более обоснованной одну из позиций, тем не менее эту ситуацию невозможно разрешить, не отдав приоритета тем или другим ценностям. В данном

случае, как мне кажется, каждый из нас должен быть внутренне честным. Если, например, в случае международного конфликта у тебя сформировалось убеждение, что права одна страна, а не другая, то (вспомним Чаадаева) это необязательно та страна, в которой ты живешь. Мы должны быть приверженцами господства права.

С удовольствием предоставляю слово Владимиру Георгиевичу Графскому.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Присоединяюсь к коллегам, высказавшим мнение, что год от года Лихачевские чтения становятся все интереснее. Философы, экономисты, юристы обсуждают какую-нибудь проблему с разных точек зрения, так что она становится объемной и многомерной.

Глобализация национального законодательства — сложная тема, открывающая новые измерения и требующая новых подходов. В последнее время я стал интересоваться этой темой и вскоре пришел к выводу, что в нашем правовом «королевстве» что-то неладно. Кодексы принимаются в большом количестве, и в них сразу начинают вносить поправки. В России за два десятка лет в кодексы уже было внесено более тысячи поправок, а в Налоговый кодекс — десять тысяч!

Я поинтересовался, как обстоят дела в других странах. Особенно удивила Франция, которая всегда служила образцом и вызывала восхищение. После принятия Кодекса Наполеона Францию стали называть «страной кодекса», но после этого за короткий срок было принято еще пять кодексов. Что происходит в этой «стране кодексов» последние 2–3 десятилетия? Классике, которой мы восхищались два века, начинают подправлять и ремонтировать. Оказывается, Кодекс Наполеона сейчас уже включает не три книги, а намного больше: была добавлена книга о гарантиях исполнения обязательств, прописаны отдельные нормы для Майорки. И все это имеет вид изменений, вносимых в классические французские акты. То же самое происходит с уголовным кодексом, и с кодексом о коммерции — в них тоже добавляются новые книги. Ничего подобного история до сих пор не знала.

Одна из особенностей современных наук, правда, не очень характерная для правоведения, — междисциплинарность. Например, историки и философы объединяются и обсуждают важнейшие вопросы жизни. У философов пока сохраняется здравомыслие, они никогда не забывают о человеке, во всех их рассуждениях присутствует человеческое измерение. В частности, оно представлено в позициях академиков Гусейнова и Лекторского. Такое современное явление, как глобализация, также рассматривается с учетом человеческого измерения.

Однако если взглянуть на этот процесс с точки зрения юриста, то почему мы видим в человеке только гражданина? Он еще и работник, он может быть человеком любознательным или отдыхающим, стремящимся к самосовершенствованию. Ведь только того человека, который самосовершенствуется, можно на-

звать личностью. Поэтому рядом с правами человека и гражданина надо еще рассматривать и права личности.

Г. М. РЕЗНИК: — Сейчас перед нами выступит Орест Владимирович Мартышин.

О. В. МАРТЫШИН: — Форма глобализации, характерная для права, — всеобщность. Автор этого термина — Рудольф Иеринг, который уже в XIX веке называл всеобщность главной характеристикой современного права. Как сформировалась эта всеобщность? Существуют ли какие-то нормы и принципы, признаваемые (хотя бы на словах) всеми государствами? Ни у кого не вызывает сомнений, что всеобщность не стала результатом синтеза национальных культур, а возникла в ходе экспансии одной культуры — западной, которая в ряде аспектов продемонстрировала свои преимущества и влияние. С цивилизационной точки зрения это можно было бы оправдать только тем, что Запад вырвался вперед и первым прошел путь, по которому потом пошли другие страны.

Однако всеобщность базируется на неоднозначных принципах. Вообще принципы глобализации права можно разделить на две группы — технические, которые принимаются всеми безоговорочно, и политические, принимаемые с оглядкой. Политические принципы включают формы правления и права человека. Здесь возникает проблема антагонизма между национальным и глобальным правом, о чем на пленарном заседании убедительно говорил академик Гусейнов. Каждое государство принимает решение, какие из международных принципов оно может допустить, а какие — нет.

Профессор Варга привел цитату из Джона Финниса о том, что общество не должно совершать самоубийство во имя права. Ту же мысль, но более резко, высказал Рудольф Иеринг, которого я уже упоминал. Он честно сказал, что любое общество принесет право в жертву во имя своих интересов, поскольку главная функция права — обеспечить жизнеспособность общества. Случаи подобных жертв хорошо известны, они используются и будут использоваться против демократии, в интересах недемократических тенденций в общественной и государственной жизни.

В связи с антагонизмом национального и глобального права возникает вопрос: можно ли с одной меркой подходить к государствам, в которых изначально сложились совершенно разные условия? В XVIII–XIX веках казалось, что это невозможно. Один из классиков идеологии консерватизма Эдмунд Берк сказал, что нужна не метафизическая юриспруденция, которая исходит из абсолютного признания неких принципов, а историческая юриспруденция. В XIX веке такие сторонники демократии и защитники прав человека, как, например, Джон Стюарт Милль, осознавали, что далеко не все страны способны успешно развиваться в условиях свободы и демократии. Милль полагал, что им можно рассчитывать на Карла Великого или Акбара

Великого, если они у них найдутся и действительно поведут страну к прогрессу.

Вряд ли у кого-то вызывает сомнение факт, что российская история не благоприятствует развитию демократии. Здесь против демократической тенденции всегда действовало множество политических и исторических факторов. Николай Николаевич Алексеев говорил, что в душе русского народа «издавна бродила идея диктатуры». Чем она вызвана? Привычкой к деспотии, надеждой на доброго царя, тяжелым экономическим положением и многими другими причинами. Это определенным образом сказывается на государственной, общественной, политической жизни.

Прошло уже более 20 лет после принятия вполне либеральной демократической Конституции. И мы вынуждены констатировать, что демократия не стала эффективным методом управления или формой общественной жизни в нашей стране. Примеров тому можно найти сколько угодно. Например, что представляет собой так называемое «ручное управление»? Это недемократическое управление. Что означает попытка решить все актуальные вопросы огромной страны в момент прямой линии главы государства с народом? Это значит, что нет другого государственного органа, который может помочь решить повседневные проблемы. Это обосновано нашей историей, традицией, современным состоянием, особенно в условиях изменения и обострения международной обстановки.

Логично сделать вывод, что Россия принадлежит к тем странам, которым нужен переходный период для подготовки и обучения демократии. На мой взгляд, наша Конституция, хотя и не лишена противоречий, дает основания для такого периода. В чем заключаются переходность и противоречивость? Создатели Конституции добросовестно поработали и включили в нее все возможные демократические принципы. Однако предусмотрели такие полномочия главы государства, которые академик Пивоваров удачно назвал «ремейком царской власти». С одной стороны, права и свободы, все институты демократического государства, с другой — ремейк царской власти. Сочетаются ли они? Очевидно, что парламентская форма правления была бы более демократичной. Значит ли это, что нужно было ее вводить? Значит ли это, что ремейк не сыграл никакой положительной роли? Нет, не значит, потому что тем самым была обеспечена определенная стабильность общества, которая свидетельствует о том, что политические авторы этой Конституции обладали определенной мудростью и прозорливостью. Система, предусмотренная Конституцией, продолжает функционировать. Но происходит изменение состава этого противоречивого набора принципов, причем в сторону «ремейка царской власти», а не утверждения прав, свобод и демократических принципов.

Произошел идеологический сдвиг. Консерватизм, всегда противостоявший либерализму, провозглашен идеологией правящей партии. Этот идеологический поворот приводит к тому, что многие стали рассматривать либерализм как идеологию, враждебную Российской Федерации. Эта тенденция представляется мне

ошибочной и даже опасной. Поворот к прошлому вряд ли может обеспечить успешное развитие России.

Дмитрий МИРОНЮК, аспирант СПбГУП, II курс: — Вы сказали, что Вам представляется ошибочным нынешнее положение вещей, а какой, на Ваш взгляд, разворот необходим?

О. В. МАРТЫШИН: — В тексте Конституции заявлены демократические принципы и сделан акцент на соблюдении прав человека. Это наша цель, мы не можем достичь ее немедленно, но должны двигаться в этом направлении. Однако меня тревожит, что сейчас эти принципы многими уже не воспринимаются как идеал, к которому надо стремиться.

К. Е. СИГАЛОВ: — Как Вы думаете, имеет право на существование такое понятие, как консервативный либерализм?

О. В. МАРТЫШИН: — В данном случае речь идет о смешанной идеологии, о том, что невозможно найти «химически чистого» либерала или консерватора. В любой смеси преобладает какой-то ингредиент. Сейчас у нас начинает преобладать консервативный компонент. Консерватор сохраняет существующее, ценит действительность, но что хотят сохранить наши консерваторы? Конституцию 1993 года? Нет. Обратите внимание, что сегодня культивируются принципы, выдвинутые еще классиками русского дореволюционного консерватизма, который был официальной идеологией самодержавия. Недавно я посмотрел фильм об Иване Солоневиче, русском монархисте, нечистом на руку человеке. Сначала он сотрудничал с советской властью, потом бежал в гитлеровскую Германию, сотрудничал с нацистским режимом и там же выпустил книгу о сталинских концентрационных лагерях. Сейчас его представляют как героя, потому что он автор книги «Народная монархия». Конечно, Солоневич — консерватор, свободный от либерализма. Тем не менее «смесь» возможна, но в ней один из компонентов всегда будет преобладать.

Г. М. РЕЗНИК: — Уважаемый коллега, консервативный либерализм — это оксюморон, но сегодня у нас есть оксюмоны и посильнее, например либеральный фашизм.

Передаю слово Валентине Викторовне Лапаевой.

В. В. ЛАПАЕВА: — Я хочу поговорить о справедливости как факторе глобальной и национальной безопасности. Начну с определения понятий. Справедливость — одна из составляющих правового принципа формального равенства, характеризующая результат упорядочивания общественных отношений путем уравнивания людей в их свободе. На глобальном уровне значение проблемы справедливости на данном этапе определяется тем обстоятельством, что основной причиной глобальных конфликтов является ограниченность жизненно важных ресурсов. Специфика нынешнего исторического момента заключается в том, что

ограниченность ресурсов становится все очевиднее, выдвигая на первый план проблему их справедливого распределения. К тому же мы живем в обществе риска, былой безопасности нет ни у кого — ни у отдельных государств, ни у социальных групп, ни у индивидов. Мы все подвергаемся опасности почти в равной мере.

Острота этих двух проблем дает некоторые шансы на их справедливое решение. От того, как мы воспользуемся этими шансами, во многом зависит будущее человечества, вплоть до его выживания. Справедливость — это всегда договор между равными, а не уступка сильным слабым. Тут действует принцип «нет худа без добра», потому что жизненная важность ресурсов и безопасности, в конце концов, должна заставить тех, кто чувствует себя обделенными, бороться до конца. То, что этот конец в наших условиях вполне может оказаться всеобщим, вряд ли их остановит, как показывает современная практика. В этом состоит фактор риска. Сможет ли человечество воспользоваться предоставленными шансами? Ученые, занимающиеся глобалистикой, говорят, что для человечества вероятность пережить нынешний век составляет 50 %. Но мы не задумываемся об этом.

Перспектива правового развития человечества зависит от того, как будет переформатироваться мир после слома сегодняшней системы. Однополярный мир несовершенен с точки зрения справедливости, а значит, и безопасности. Сумеет ли мы сформировать многополярный мир? Если это удастся, то человечество получит возможность справедливого развития.

Что касается России, то именно сейчас проблема социальной и правовой справедливости здесь стоит особенно остро. В нашей истории были гораздо более несправедливые периоды, но они никогда не ощущались населением так болезненно. Современное российское общество — это общество с недавним социалистическим прошлым, оно вполне осознанно пошло на его слом, поскольку стремилось от бесправия к праву. Но в этом порыве мы, как уже было не раз в истории, впали в другую крайность. На смену так называемой общенародной собственности, которая лежала в основе бесправия, пришла откровенно неправовая приватизация, что стало основой деформирования всех политико-правовых отношений. Все дефекты современного политико-правового развития растут из этого корня: четверть века общество жило с ощущением несправедливости. Сейчас происходят некоторые изменения, общество задумывается над происходящим, но до полного осмысления еще далеко.

Российское научное сообщество проблему справедливости игнорирует. Если на Западе начиная с 1974 года, когда вышла книга Джона Ролза «Теория справедливости», эта тема не сходит с повестки дня, то у нас она практически не обсуждается. Два года назад вышла книга французского экономиста Тома Пикетти «Капитал XXI века». Главная идея этой книги, основанной на математических расчетах, заключается в том, что в условиях свободного, не ограниченного политико-правовыми рамками рынка доход на капитал будет всегда превышать предпринимательский доход. То есть, как у нас говорят, «деньги к деньгам». Поми-

мо того что это само по себе несправедливо, в нынешних условиях финансовой глобализации деньги не просто идут к деньгам, но и делаются из денег. Эти легкие деньги легко передаются по наследству, продолжают наращиваться, потому что это не требует особых интеллектуальных усилий. Таким образом, говорит Пикетти, на новом витке развития мы возвращаемся в ситуацию наследуемой власти, то есть к новому феодализму. Правда, другие специалисты его опровергают. Дело не в том, кто из них прав. Я просто иллюстрирую, что эта проблема на Западе — но не у нас — находится в центре внимания, заинтересованно и горячо обсуждается. Необходимо поставить в центр внимания проблему справедливости в ее правовом аспекте, рассмотреть ее с разных точек зрения и т. д.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Валентина Викторовна, Вы сказали, что справедливость — это договор между равными. Но ведь общего равенства нет. Как быть?

В. В. ЛАПАЕВА: — Понятие справедливости определяет типы правопонимания. Я исхожу из либертарно-юридического толкования, согласно которому сущностный признак права — принцип формального равенства. На эту тему написано огромное количество трудов. Конечно, речь идет о формальном равенстве, а не о фактическом.

Г. М. РЕЗНИК: — В связи с этим я хочу напомнить теорему справедливости Аристотеля, уравнивающей и распределяющей, хотя, конечно, понимаю, что все сложнее. Но уравнивающая справедливость, как мне кажется, все же устанавливает равенство всех перед законом и судом.

В. В. ЛАПАЕВА: — С точки зрения того подхода, который я разделяю, справедливость — это равенство перед правовым законом и правосудным судом. Если это обеспечено (правовой закон и правосудный суд), то создается правовое равенство. А равенство перед неправовым законом не имеет смысла.

Г. М. РЕЗНИК: — На этот случай у нас есть конституционализм, Конституционный Суд.

В. А. КОВАЛЕВ: — Вы сказали, что свободный рынок ведет к несправедливости. И в то же время многополярный мир скорее установит справедливость, чем однополярный. Но ведь уровень регулирования в однополярном мире явно выше, чем в многополярном. Нет ли здесь логического противоречия?

В. В. ЛАПАЕВА: — Конечно, единой власти проще приспособить право к своим интересам. Но если мир однополярный, то он регулируется, подстраивается под интересы одного полюса. О какой справедливости тогда можно говорить? Повторяю, справедливость — это всегда договор между равными.

Основная мысль книги, о которой я говорила, заключается в том, что рынок несправедлив, если он не ограничен политико-правовыми рамками. Он не-

справедлив по своей сути, так как ведет к монополизации. Если мы не будем ограничивать монополии, то придем к тому, о чем говорил Пикетти: будем наращивать богатство на одном полюсе, передавать его по наследству, то есть к неофеодализму. Задача состоит в том, чтобы найти рычаги регулирования рынка в интересах справедливости путем демократических политико-правовых процедур. Рынок балансирует между монополизацией и свободной конкуренцией, и этот баланс устанавливается с помощью демократических механизмов. Другого инструмента не существует. Демократия — имманентный механизм развития нормальной рыночной экономики. Но проблема заключается в том, что в глобальных отношениях этого пока нет.

Г. М. РЕЗНИК: — Профессор Честнов, прошу Вас.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Несколько соображений по поводу серьезной, на мой взгляд, проблемы, которая возникла в эпоху глобализации, и некоторыми авторами постмодерна стала называться определенностью права. Однако, несмотря на позицию Конституционного Суда, который требует определенности в праве, она остается проблематичной (хотя я отнюдь не сторонник неопределенности в праве).

Итак, есть ли в праве определенность? Прежде всего этот вопрос связан с философским аспектом ограниченности человеческого познания окружающего мира. Результаты познавательной и политической деятельности законодателя формулируются в описательно-предписывающих нормах, так как любая норма права включает как описательные, так и предписывающие аспекты, но всегда неполно отражает действительность или выражает некую идею. Между идеей, которая закладывается в законодательстве, и реальностью всегда есть зазор. Поэтому «юридический Геракл», то есть некий идеальный судья или законодатель, — несбыточная мечта. Идеального законодательства не существует. Инфляция законодательства, о которой говорил Владимир Георгиевич Графский, — реальность, от которой никуда не деться.

Из ограниченности человеческого познания вытекает также отсутствие единой, универсальной позиции метанаблюдателя. Кто возьмется утверждать, что, допустим, право боснийцев на самоопределение законно, а право Югославии на территориальную целостность незаконно? Часто конкурирующие ценности сталкиваются, и не существует рациональных критериев, позволяющих решить, какая из альтернативных ценностей, закрепленных в законодательстве, приоритетна. Свобода слова или безопасность? Безопасность или личная неприкосновенность, нарушаемая при досмотре в аэропорту? До каких пределов эти технические правила должны входить в право?

На мой взгляд, универсальных критериев нет. Например, на Западе после 11 сентября 2001 года нормы кардинально изменились. Не существует, как ни странно, универсальных критериев общественной безопасности. Попробуйте назвать какое-нибудь социальное явление, которое было бы совершенно безопасным

и не имело тех или иных последствий, тем более что отдаленные последствия обычно не учитываются. Копенгагенская школа международных отношений еще в 1990-х годах заявила, что не надо считать социальную сущность опасности основанием уголовно-правовых запретов. Но при чем тут опасность? Это основание уголовного права для криминализации. Значительно важнее, допустим, выявлять причины, почему сегодня эта власть объявляет опасными именно эти явления. Любое действие человека загрязняет окружающую среду, но не все загрязнения целесообразно криминализировать.

Несколько слов по поводу формальной определенности права. Есть принципы права, реализуемые через законодательство, которое, в свою очередь, в большинстве случаев реализуется через подзаконные акты нормативно-правового регулирования. Но самое интересное, что, какими бы изощренными ни были нормы процессуальных кодексов, на практике они не применяются сами по себе. Любое следственное действие предполагает практики, с помощью которых оно фактически реализуется. Не принято решения о том, как лучше проводить допрос. Говорят о том, что требуется для проведения того или иного следственного действия, в каком случае оно проводится, как оформляется и т. д. Но Уголовно-процессуальный кодекс не регламентирует сам процесс, например, допроса. Поэтому между принципами права и их конкретизацией в законодательстве и практике нет логической выводимости. Из одних и тех же принципов права можно непротиворечивым образом сделать разные выводы. Например, принцип разделения властей реализуется как минимум четырьмя формами правления (президентская республика, парламентская, смешанная, конституционная монархия), и вряд ли кто-то скажет, что, например, нет разделения властей во Франции (смешанная республика), ФРГ (парламентская республика), Великобритании (конституционная монархия).

Таким образом, определенность права — это серьезная проблема, хотя я отнюдь не ратую за неопределенность. Поэтому между принципом формальной определенности, закрепленным в постановлении Конституционного Суда, с одной стороны, и жизнью — с другой, существует большая разница.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Существует ли юридическое равноправие?

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Оно существует, но не универсально. На абстрактном уровне существуют формальное равенство, свобода и т. д. Конкретная мера свободы или формального равенства исторически контекстуальна.

О. В. МАРТЫШИН: — Илья Львович, мы знаем, что богиня правосудия Фемида держит в руке весы. Нужно ли нам расстаться с определенностью, представленной в виде весов?

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Я считаю, что к этому надо стремиться. Еще неопозитивисты пытались очистить

научный язык от недостатков естественного языка. Но, например, законодательство без естественного языка не существует, так что их попытки оказались тщетными. Хотя, повторяю, к этому надо стремиться.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется Роману Анатольевичу Ромашову.

Р. А. РОМАШОВ: — Мне захотелось защитить Кельзена, когда профессор Гаджиев сказал о том, что Кельзен был неправ. Теоретик не может быть прав или неправ — он создает теорию. Кельзен говорил о чистом праве, так же как Кант — о чистом разуме. Речь идет о субстанции, которая существует вне материального оформления и возможна в качестве умозрительной абстракции. Мы не можем представить себе жизнь без тела, хотя тело без жизни — вполне. Примерно так же в России мы не можем представить право, не облеченное в форму закона, хотя тут же говорим, что закон может быть неправовым. Как я полагаю, Кельзен имел такое же право на слова о чистом праве, как Кант — на теорию чистого разума, и с этой точки зрения все логично.

Мне понравилась метафора, которую привел профессор Варга: право есть молоток, объект управления — гвоздь. Почему? Когда говорят, что демократия — это хорошо, а ремейк царской власти — плохо, мне вспоминаются слова императора Николая I, который на вопрос о роде занятий честно ответил: «Хозяин земли Русской». Александр Сергеевич Запесоцкий так же обозначил свой статус: хозяин Университета профсоюзов.

Мы живем в переходном обществе, и это неплохо. Владимир Георгиевич Графский справедливо сказал: «Что-то неладно в царстве российского права». Потому что как только мы начинаем менять закон, у нас появляется уверенность в том, что благодаря закону, то есть при помощи правового содержания, можно что-то поправить и усовершенствовать.

Россия заимствовала право в западном понимании. Когда-то страна жила по обычаям, потом обычай сменился законом. Смоленск пытался жить по Магдебургскому праву. После 1917 года для большевиков и Конституция, и Уголовный кодекс носили достаточно формальный характер. Принятие очередной Конституции приурочивалось к определенным этапам победившего развитого социализма. Уголовный кодекс, правда, менялся мало — составы преступлений во все времена примерно одинаковы. И если мы сейчас говорим о том, что Конституция, Уголовный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс играют некую роль, значит, мы всерьез полагаем, что право имеет определенное значение.

Мы действительно находимся на этапе перехода от «права молотка», бьющего по гвоздю, к «праву гайки», с помощью которой можно затягивать или ослаблять механизмы. Важно, чтобы эти процессы зависели не от тех, у кого в руках гаечный ключ, а от правового содержания, наполняющего некую форму.

Г. М. РЕЗНИК: — Образ гайки красив, но он неразрывно связан с образом гаечного ключа. Очень важно, в чьих руках будет этот ключ.

В. В. ТРОФИМОВ: — Роман Анатольевич, Вы упомянули о хозяине Русской земли, сославшись на Николая I. Как Вы относитесь к тому, что по Конституции хозяином земли является человек? Может быть, лучше нам всем быть хозяевами и таким образом строить мир?

Р. А. РОМАШОВ: — Отличие личностного суверенитета от народного заключается прежде всего в том, что россияне понимают столпы западной культуры не так, как на Западе. Свобода и собственность, являющиеся краеугольными камнями западной культуры, в России воспринимаются иначе. Если на Западе свобода изначально предполагает ограничения, не существует неограниченной свободы, то у нас свобода понимается как воля, то есть отсутствие ограничений. Свободы от собственности в западном понимании (собственности на самого себя и результаты своего труда) у нас никогда не было, поэтому мы только сейчас подходим к такому пониманию.

На пленарном заседании обсуждался вопрос о последнем решении Конституционного Суда РФ относительно того, кто такой свободный человек в России. Это человек, в отношении которого не действует наказание в виде лишения свободы: люди в колониях-поселениях голосовать не могут, а свободных людей в следственном изоляторе этого права никто лишить не может. Здесь мы исходим из того, что в рамках капитала предполагаются свобода и собственность, а в рамках хозяйства — нет. Так что если хотите быть хозяином земли Русской, считайте себя хозяином на своем садовом участке.

Г. М. РЕЗНИК: — Вы усложнили проблему. В этом случае действуют принципы права. На людей, которые содержатся в следственном изоляторе, в отношении которых ведется расследование, распространяется презумпция невиновности. Именно по этой причине они считаются гражданами с теми же правами и отличаются от тех людей, что уже осуждены. Им предоставляется определенное право, но затем возникают проблемы, с которыми столкнулся Конституционный Суд. Я считаю, что он принял великолепное решение с точки зрения оформления.

Р. А. РОМАШОВ: — Я говорю не о презумпции невиновности, а о свободе (в силу того, что пять лет отработал в тюремной системе). В одной из колоний висит транспарант «Осужденный — на территории колонии свободный гражданин». В камере осужденный действительно несвободен, но на территории колонии он свободен. Точно так же, как мы свободны на территории нашего государства. Солдат срочной службы свободен на территории воинской части, но за территорию он выйти не может. Это вопрос о свободе.

Г. М. РЕЗНИК: — Вспомнился гитлеровский лозунг в концлагерях «Труд освобождает». Слово предоставляется профессору Эльмире Ленаровне Садыковой.

Э. Л. САДЫКОВА: — За два года, что я не присутствовала на Лихачевском форуме, произошла эволю-

ция: наша наука развивается и все больше приближается к практике, правовая доктрина пытается отразить реальность и повысить свою эффективность. Современные проблемы доктрины права и его практическая эффективность связаны с вопросом цивилизационного измерения права.

Каждая историческая эпоха обладает своими особенностями. Мы живем в историческую эпоху, когда культурно-цивилизационное многообразие общества становится одной из актуальных проблем и происходит становление многополярной, полицентричной системы международных отношений. Проблема культурно-цивилизационного многообразия и ее влияния на развитие международного права, национального права сегодня особенно актуальна. Здесь можно говорить о цивилизационном измерении национального права, цивилизационном контексте международного права.

Следующий методологический аспект — цивилизационная составляющая воздействия и взаимодействия международного и национального права. Носителем культурной цивилизационной идентичности является человек с его правовым сознанием, правовой культурой, религиозными воззрениями, духовными традициями, историческими особенностями, учитывающими географическую местность. Сегодня возникли новые вызовы и угрозы, среди них — массовые миграционные потоки. Люди — носители совершенно разных цивилизационных идентичностей — оказываются в одном неоднородном обществе. Современная Европа является собой яркий пример этого. Как в данной ситуации право должно реагировать на усиление остроты проблемы неоднородности в культурно-цивилизационном контексте того или иного общества? Человек, который имеет свои культурно-цивилизационные особенности, попадая в совершенно другое, неоднородное с точки зрения культуры и традиций общество, продолжает оставаться человеком со своими идеалами, духовными традициями, в которых он вырос и сформировался. Как в этой ситуации должно вести себя право?

Известный юрист-международник Мартенс писал о том, что современное международное право есть продукт культурной жизни и правосознания народов европейской цивилизации. Ряд ученых считает, что международное право сформировалось под влиянием европейской цивилизации. Как мы должны решать проблему прав человека, признания государств, существования признаков государств? Почему возникает проблема существования крупных и маленьких европейских государств, права народов на самоопределение? Каковы критерии признания права народов на самоопределение, критерии определения государства и его самопровозглашения?

В данном случае цивилизационный аспект, на мой взгляд, очень важен, потому что он позволяет комплексно подходить к проблеме развития права — с религиозной, исторической, духовно-нравственной точек зрения. Вчера на панельной дискуссии обсуждался ценностный подход к развитию права. Сегодня именно ценностный аспект составляет основу цивилизационного подхода и должен стать во главу угла при рассмотрении вопросов развития и вообще повышения эффек-

тивности международного права и гармонизации международного права с точки зрения его влияния и взаимодействия с национальным правом. Это в том числе и проблема прав человека. В настоящее время цивилизационный подход заслуживает особого внимания в контексте развития и повышения эффективности как международного, так и национального права. Здесь уже говорилось о том, что принципы Конституции России демократические, но сейчас мы говорим о национальной идее. Как национальная идея России отражает ее культурно-цивилизационную самобытность и как она должна проецироваться на правовую систему?

Г. М. РЕЗНИК: — Какова национальная идея России?

Э. Л. САДЫКОВА: — Об этом говорил президент Российской Федерации.

Г. М. РЕЗНИК: — Президент говорил образно. Патриотизм тоже можно назвать идеей. Но мне кажется, что патриотизм — это скорее чувство. Идея патриотизма сейчас должна стать национальной идеей?

Э. Л. САДЫКОВА: — Считаю, что позиция президента как руководителя государства не может быть проигнорирована. Я лишь хотела сделать акцент на постановке вопроса о поиске национальной идеи.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Мне импонирует идея локальных цивилизаций, но не кажется ли Вам, что доведенная до конца идея локальных цивилизаций противоречит международному праву? Это разные цивилизации, которые принципиально по-разному свободны. В японском языке слово «свобода» означает эгоизм как противопоставление себя коллективу. Как быть с правами человека применительно к Японии и вообще к юго-азиатским странам?

Э. Л. САДЫКОВА: — Мне так не кажется. Если следовать по этому пути, то мы можем прийти к выводу, что культурно-цивилизационное многообразие — это проблема. Здесь можно вспомнить Хантингтона и его идею столкновения цивилизаций. Мой подход заключается в том, что культурно-цивилизационное многообразие — это не разъединяющая, а соединяющая сила. Роль международного права сейчас должна заключаться в совершенствовании норм международного права, создании институтов, диалоговых площадок, которые могли бы позволить решить проблему различий в рамках концепции прав человека.

На мой взгляд, теория локальных цивилизаций не противоречит идее международного права, противоречит скорее то, что длительный период господствовала европейская цивилизация. Сегодня в связи со становлением полицентричной системы мирового порядка мы говорим о том, что Китай, Индия и другие государства, представляющие традиционные общества, становятся сильными и с ними теперь вынуждены считаться. А европейское общество сегодня обессилело из-за проблем, обусловленных идеей господства евро-

пейской цивилизации. Мы должны учитывать тенденцию плюрализации мировой системы.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — В ходе дискуссий на Лихачевских чтениях прозвучала мысль, что политкорректность не всегда хороша в плане научного обсуждения проблем. Позвольте мне задать Вам неполиткорректный вопрос. Вы говорили о мигрантах в Европе и возможности или невозможности «переварить» большое количество мигрантов. Вчера в ходе дискуссий прозвучало такое высказывание: «Запад сумеет переварить один миллион мигрантов с совершенно чужой культурой...» Но события в Кёльне на Рождество показали, что это не так. Эльмира Ленаровна, как Вы полагаете, действительно ли западная цивилизация сможет «переварить» поток мигрантов, который не хочет считаться с ценностями западного общества? Вопрос профессору Варга: почему именно восточноевропейские страны, в том числе Венгрия, забили тревогу в связи с этой проблемой?

Э. Л. САДЫКОВА: — Если исходить из того, что и как делает Ангела Меркель, то Европа ничего не «переварит». Моя позиция заключается в том, что если вы сказали «А», то скажите и «Б». Почему провалилась политика мультикультурализма? Мультикультурализм — неплохая идея, но она не должна быть основана на следующем положении: «Мы открыли двери, вы заходите. Но вы обязаны понимать, что мы превосходящая нация, а вы должны адаптироваться к тому, что есть у нас».

Здесь двусторонний вопрос: нельзя говорить о том, что Европа хорошая, а мигранты плохие. Европа должна понимать, что представители арабских государств — это совершенно другая культурно-цивилизационная идентичность. Точно так же и мигранты должны понимать, что они попадают в другую правовую среду, которая обладает правовыми инструментами, позволяющими создать условия для их адаптации. Если мужчина — араб, то он может иметь трех жен (и разводится он с ними по определенным правилам). Попав в европейское общество, он должен пойти в суд, чтобы развестись. Правоведами должна быть проведена большая работа — нужно объединять усилия и искать сходства в исламской и европейской концепциях прав человека.

Г. М. РЕЗНИК: — Я не знаю, кто из европейских лидеров сказал, что политика мультикультурализма провалилась. Мне кажется, что это неточное высказывание. Никто об этом прямо не заявлял, они говорили прежде всего о сложностях. Но убежден, что в ближайшие десятилетия арабу, который по-прежнему захочет иметь четырех жен, нечего делать в Европе.

Сегодня существуют большие сложности. Сможет ли Европа за короткий срок адаптировать такое количество несчастных людей, которых, приверженная гуманитарному праву, принимает на своей территории? Чем можно заменить национализм? Эту идею предлагают оппозиционные силы, которые используют ее для того, чтобы прийти к власти.

Э. Л. САДЫКОВА: — Вспомним погромы молодежи во Франции. Это уже второе поколение мигрантов, которое выросло во Франции и получило там образование. Погромы свидетельствуют о том, что эти люди так и не адаптировались в европейской среде, о несовершенстве инструментов на той территории, которая их приняла.

Г. М. РЕЗНИК: — Они хотят быть равными и иметь такого рода преимущества.

Э. Л. САДЫКОВА: — Равенство права — это ключевая идея.

Ч. ВАРГА: — Юридическая мудрость предполагает, что если есть формальный аспект, то не нужно искать материального аспекта. Европейское правительство наполовину состоит из венгров. Венгрия применила европейские конвенции и первой из стран стала защищать свои границы, контролировать попытки нарушения европейских конвенций Германией, Францией и другими странами.

В. Л. ЭНТИН: — Генри Маркович, я внимательно слушал ответ профессора Варга и хочу сказать, что Венгрия поступила следующим образом: она буквально применила действующие европейские конвенции, которые предусматривали индивидуальное рассмотрение обращения каждого беженца. Такого положения, которое касалось бы массового приема беженцев без какого-либо контроля, не было. Поэтому введение индивидуального контроля полностью соответствует тем обязательствам, которые Венгрия приняла на себя в соответствии с действующими европейскими конвенциями. В этом случае упреки со стороны брюссельских властей относительно нарушения конвенций являются бесосновательными.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется Василию Владиславовичу Трофимову.

В. В. ТРОФИМОВ: — Лихачевские чтения в 2016 году проходят очень динамично, мне представляется удачным нововведением включение панельных дискуссий. Наша секция имела отложенный старт (он был дан на панельной дискуссии), что в каком-то смысле оправданно, поскольку в ходе пленарного заседания мы получили интересную информацию, которую нужно было осмыслить. Это помогла сделать работа на панельных дискуссиях.

Тема моего доклада «Социально-интерактивный фактор глобализации в праве» говорит о том, что право — это объективно и субъективно обусловленный феномен. На панельной дискуссии академик А. Г. Лисицын-Светланов заметил, что наша жизнь слишком динамична, а право консервативно, и оно немного тормозит жизненные процессы. С этой мыслью можно согласиться, но с определенной корректировкой. Жизнь динамична, и именно жизнь развивает формы права, преобразовывает его, право развивается вместе с жизнью. В качестве опорного предположения нужно иметь

в виду, что право всегда динамично и процесс развития права никогда не остановится, оно всегда будет меняться под воздействием различных факторов.

Глобализация в настоящее время, по сути, является одним из таких факторов. В прошлом году, выступая на Лихачевских чтениях, я высказал сомнение относительно того, что глобализация как проект будет когда-либо завершена. Скорее это некая мифологема, которая витает в нашем сознании, и мы на нее ориентируемся. Наверное, глобализацию, если бы ее не было, нужно было придумать. Это хороший фон, на котором многие проблемы можно обсуждать более предметно. Глобализация как проект остается незавершенной, поскольку разногласия из нашей жизни никогда не исчезнут. Нужны кардинальные изменения в мироустройстве, чтобы глобализация состоялась. Этого, как мне кажется, в реальности не произойдет.

Процессы интеграции, интернационализации постоянно влияют на нашу жизнь, политические, экономические, правовые формы. В праве появилось многое из того, чего раньше не было, до тех пор пока интенсивные процессы интернационализации не стали проходить в нашей жизни. Меняется национальное право, появляются формы наднационального права, о чем сегодня говорят все более отчетливо. Недавно вышла в свет значимая работа Вениамина Евгеньевича Чиркина о наднациональном праве и наднациональной государственности. Эти явления сейчас формируются. Д. Стиглиц, один из теоретиков глобализации, назвал свой труд «Что заставляет глобализацию работать?». Отвечая на данный вопрос, я хотел бы сказать следующее: нужно найти некий генеральный фактор, который вообще заставляет развиваться глобализационные процессы. Что это — экономика, политика?

А. С. Запесоцкий сказал, что не согласен с тем, что экономика является базисом, как и юриспруденция. В качестве базисного начала он предложил рассматривать культуру. Я с этим не соглашусь, поскольку культура — это результат возделывания чего-то. Нужно найти того, кто все возделывает, — это человек. С человеческого взаимодействия начинаются все процессы.

В моем докладе фигурирует социально-интерактивный фактор, потому что речь идет о межличностной коммуникации или той технологии, которой я придерживаюсь, следуя традициям. Со взаимодействия (Interaction) все начинается в жизни. Немецкий социолог Георг Зиммель когда-то написал, что во Вселенной между точками всегда существуют те или иные взаимовлияния. Наше взаимодействие позволяет происходить интеграционным процессам. И чем активнее мы будем взаимодействовать, чем больше будет возникать форм сотрудничества и солидарности, тем конструктивнее будут проходить процессы если не глобализации, то, по крайней мере, солидаризации. К этому следует стремиться, поскольку тем самым мы обеспечим комфортность своего существования, решим многие проблемы, которые сегодня возникают и проявлению которых служат многочисленные конфликты. Конфликт — тоже форма взаимодействия. Он порождает свои меры санкционного, карательного влияния, которые также необходимы.

Вчера Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов говорил о том, что на международном уровне сформировалась так называемая уголовная юрисдикция, в отношении других сфер скорее действует принцип мягкого права, которое опирается на солидарность между людьми. Чем больше мы будем солидаризироваться, тем комфортнее будет жить во Вселенной, окружающем пространстве.

В качестве иллюстрации того, что мы все едины, приведу пример из книги «Кингсблад, потомок королей» нобелевского лауреата, американского писателя Синклера Льюиса. Пришедший с фронта солдат после Второй мировой войны попросил своего сына узнать родословную, поскольку фамилия Кингсблад настраивала их на то, что у их рода могли быть королевские корни. Когда сын стал исследовать генеалогию, оказалось, что прозвище Кингсблад было дано их предку, иммигрировавшему с африканского континента. В условиях национальной расовой дискриминации в Америке это стало для них большой трагедией. Смысл этой книги в том, что мы тесно взаимосвязаны, в каждом из нас так или иначе заложено нечто общечеловеческое. Гениальный фильм Владимира Меньшова «Ширли-мырли» лишней раз свидетельствует о том, что мы — люди с одной планеты, и поэтому нам нужно жить в единстве и в параллели реализовывать глобальные процессы.

Р. А. РОМАШОВ: — Насколько, по Вашему мнению, национальное уголовное право соотносится с международным и не существует ли противоречий между двумя видами права, которые закреплены на уровне национального управления? Не является ли преступление деянием, прямо не предусмотренным в качестве такового действующим уголовным законом Российской Федерации, и как оно соотносится с понятием международного уголовного права? Что такое преступление в соответствии с международным правом?

В. В. ТРОФИМОВ: — На национальном уровне закреплён принцип, что преступление не следует считать таковым, если оно не отражено в Уголовном кодексе РФ. Это базовый и, соответственно, верный принцип. Поэтому все то, что указано в законе, и следует считать преступным составом и таким образом решать все соответствующие процедуры и вопросы. Уголовная международная юрисдикция более специфична. Я не специалист в этой области, поэтому сейчас не буду строить версии или догадки. Но национальный принцип мне представляется более продуктивным.

Г. М. РЕЗНИК: — Разве может быть объявлено международным преступлением то, что не предусмотрено национальным законодательством?

Р. А. РОМАШОВ: — Преступлением является лишь деяние, закреплённое в действующем Уголовном кодексе. Что будет являться преступлением в соответствии с международным уголовным правом?

Г. М. РЕЗНИК: — Есть определенные международные акты, которые описывают преступление международного характера. Кстати, они затем имплантируются в национальные кодексы. Например, понятие «геноцид» в Уголовном кодексе определяется как преступление против человечества. Это не столько проблема международного права, сколько категория оценочности, которая затрудняет квалификацию. Но не существует кардинального противоречия между тем, что может быть объявлено преступлением, и тем, что оно не определено в каком-либо акте.

Слово предоставляется доценту Константину Елизаровичу Сигалову.

К. Е. СИГАЛОВ: — Мы на Лихачевских чтениях услышали большое количество красивых понятий, таких как «гражданское общество», «социальное государство», «права человека». И убедились, что чем больше рассуждений, тем больше мнений на этот счет. В данном случае это понятия скорее интуитивно схватываемые, нежели реально понимаемые. Проблема заключается в том, что доктрина не поспевает за развитием понятия, которое становится все глубже и шире.

Если раньше мы ориентировались исключительно на европейское право, то в настоящее время в него проникают компоненты права арабского мира и Востока. Поэтому понятия меняются.

Мое выступление касается институтов гражданского общества в России и на Западе в условиях кризиса, проблемы партнерства и конфликта интересов. Гражданское общество в классическом виде возникло как антитеза государству, и его генезис связан с диалектическим противоречием с государством. В связи с этим понятием хотелось бы остановиться на трех основополагающих тезисах.

Во-первых, гражданское общество никогда не было гомогенным, оно различно. Более того, в рамках отдельного общества гражданское общество бывает разделено.

Во-вторых, по мере становления и развития государство изымает из сферы гражданского общества наиболее понравившиеся институты, ставит их себе на службу, при этом трансформирует их до такой степени, что они теряют свой первоначальный облик. По сути, эти институты полностью перевоплощаются под воздействием государства.

В-третьих, обращение к гражданскому обществу и его институтам происходит у государства не постоянно, а дискретно, прежде всего в эпоху кризиса, период угрозы либо отдельным государственным институтам, либо самому существованию государственности. Там, где механизм поддержки гражданским обществом государства срабатывает, государство сохраняется. Там, где этого не происходит, государство погибает.

В настоящее время государство, гражданское общество и каждый человек и в России, и на Западе еще не до конца осознали реальность и размеры надвигающихся кризисных явлений. Отсутствие консолидации порождает противоположные мнения о путях реализации. Иногда говорят, что кризис полезен, потому что он позволяет выявить болевые точки и бороться с ними.

В этом случае небольшой кризис, некое кризисное явление гражданское общество и государство — каждый со своей стороны — могут купировать. Но когда надвигается глобальный кризис (хотя лучше до него не доводить), возникает вопрос: в состоянии ли нынешнее расколотое гражданское общество, одна часть которого совершенно не понимает другую, бороться с надвигающейся опасностью или необходимо предпринять меры для того, чтобы предотвратить ее?

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется профессору Сергею Федоровичу Ударцеву.

С. Ф. УДАРЦЕВ: — Прежде всего хотел бы поблагодарить организаторов этого интересного форума, ценность которого заключается в междисциплинарности. Фокус Чтений в условиях глобальной турбулентности в мире перемещается в сферу межнациональных и межконфессиональных отношений в современных условиях (в Европе миллион беженцев и много других нерешенных проблем). Как демократия является несовершенным изобретением человечества (хотя в целом это, может быть, одно из лучших изобретений), так и межнациональные, межконфессиональные вопросы регулируются правом, хотя и не могут быть урегулированы только им.

Межконфессиональные, межнациональные отношения, миротворение — сложный результат деятельности политических, правовых, культурных, воспитательных, экономических, информационных, внутренних и внешних факторов. В каждой стране существуют различные особенности, которые накладывают свой отпечаток на законодательство (где-то это проявляется более отчетливо, где-то — менее). В докладе я описываю модель, сложившуюся в Казахстане.

Некоторые проблемы могут быть разрешены только на определенном уровне права, который может возникнуть в ходе эволюции права. В условиях глобализации происходят формирование новых уровней права и адаптация ранее существовавшего национального и международного права к новым возникающим уровням права. Если мы посмотрим на результаты глобализации, то должны отметить объективный характер формирующейся глобальной политической и правовой системы. Это система не завтрашнего дня. И. Кант еще 200 лет назад в своем трактате писал о вечном мире, но он не мог предвидеть, что за это время его идеи так далеко продвинуты, хотя, может быть, до их воплощения осталось не меньше времени. Глобальная правовая система — сложносоставная, сложноорганизованная, учитывающая разные уровни, многообразие мира, национальных, межконфессиональных, расовых отношений и много других особенностей.

Для того чтобы определить статус, например, государственной власти и государства, недостаточно частного права. Чтобы обуздать произвол государственной власти, которая тяготеет к нему на протяжении всей истории, недостаточно публичного права. Публичное в сочетании с международным (следующим уровнем) правом дает гораздо больший эффект в решении национальных, конфессиональных вопро-

сов. На уровне современного права трудно добиться эффективного результата, но в ходе эволюции права, которая разворачивается не как индивидуальная, национальная, а как более глубокое серьезное явление в истории, наверное, можно будет выработать средства и институты, позволяющие уже на глобальном уровне лучше регулировать возникающие между бедными и богатыми странами проблемы перераспределения ресурсов, предотвращения монополизации и многие другие вопросы. Это позволит разрешить многие конфликты в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

Древнеримский юрист Цельс говорил, что «право — это искусство добра и справедливости». Поэтому правовое регулирование мы не можем рассматривать только как догматическое; это гораздо более сложный, чем мы иногда представляем, политический момент регулирования общественной жизни на разных ее уровнях.

В. В. ТРОФИМОВ: — Скажите, пожалуйста, формирование наднационального уровня права, государства так или иначе связано с ограничением суверенитета на национальном уровне? Как Вы считаете, в какой мере может быть сознательно ограничен национальный суверенитет, с тем чтобы сформировался наднациональный уровень?

С. Ф. УДАРЦЕВ: — В конституциях европейских стран давно зафиксированы положения о передаче части полномочий наднациональным органам. Мне кажется, что «наднациональный» — это промежуточное, переходное и не совсем точное выражение. Как на самом деле эволюционирует государственность? Государственность — явление более глобальное, чем национальное. Это явление раскрывается и с точки зрения сегодняшнего видения, и, наверное, как планетарное явление (впоследствии будет видно, куда технологии и экономические возможности позволят развиваться). Юристы, рассматривающие явление глобализации, тяготеют к такому видению: стоя на перроне, описывают только контур последнего вагона отходящего поезда. Термин «наднациональный» условен. Речь идет о формировании новых надстроек в системе государственности. Термин «национальный» тоже условный. Существуют многонациональные, федеративные государства, крупные и маленькие страны. На мой взгляд, «наднациональный» — это искусственная формулировка. Речь идет о формировании пока не вполне устойчивого, не выстроенного на всех этажах уровня государственности. Главное — элемент, который характеризует политическую систему эволюции и государственности в условиях глобализации.

В. А. КОВАЛЕВ: — Вы использовали метафору уходящего поезда: юристы, стоя на перроне, глядят ему вслед (в данном случае — на последний вагон). Но кто машинист и пассажиры этого поезда?

С. Ф. УДАРЦЕВ: — Метафора всегда условна, я хотел сказать, что не совсем продуктивно наблюдать

за уходящим составом и видеть только последний вагон в определенном ракурсе. Все остальное можно дофантазировать — кто, где, что, когда.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется доценту Владимиру Львовичу Энтину.

В. Л. ЭНТИН: — Хотел бы последовать рекомендации и взглянуть на нашу проблематику со стороны хозяйина земли Русской. Нужно легитимировать происходящие изменения. Где искать источник такой легитимности? Раньше это делалось достаточно просто: пятое издание сочинений Владимира Ильича Ленина отличалось от четвертого тем, что то, что не вписывалось в предполагаемые изменения либо в магистральную линию, убиралось оттуда. Затем, когда подготавливался следующий этап изменений, делали иначе — в сборник работ Маркса, Энгельса, Ленина включалось все то, что может быть использовано для легитимации предстоящих перемен. Это прямая аллюзия ко временам Горбачева: когда идеологические ресурсы оправдания изменений были исчерпаны, возникла необходимость включения в международное сообщество и общения на равных со всеми странами, которые продвинулись вперед и которые нужно догонять.

Легитимизация механизмов происходит на уровне обществ. На уровне права нужен другой инструментарий для того, чтобы оправдать или провести в жизнь перемены. В России все то, что касалось интеллектуальных прав, было разделено по специальным отраслям закона. Несмотря на сопротивление значительной части цивилистического сообщества, в 2006 году появилась четвертая часть Гражданского кодекса. На то, чтобы привести ее в действие, потребовалось два года, причем необходимые акты на уровне инструкций и положений принимались 30 декабря, буквально за два дня до того, как должен был начать действовать новый механизм. Отсюда и необходимость корректировки или ремонта паровоза по ходу движения.

Теперь мы сталкиваемся с другой тенденцией — некоторые сравнивают ее с уходящим поездом или отходящим перроном. Можно по-разному трактовать вопросы, связанные с глобализацией, поиском страны своего места в мире. Оказалось, что идеология глобализации связана с другой экономической составляющей — свободой торговли. Побеждает сильнейший, тот, кто обладает передовыми ресурсами как с точки зрения технологий, так и с точки зрения подготовленного работника. Но в современных условиях ставка только на естественные преимущества не оправдывается и срабатывает обратная тенденция, заключающаяся в создании административных преимуществ. Поэтому появляются или усиливаются интеграционные проекты.

Когда мы говорим о международном публичном праве, то совершенно забываем о таком феномене, как интеграционное право, которое является, с одной стороны, частью международного права, а с другой — по некоторым признакам это новая версия федералистских начал. Международное интеграционное право имеет несколько проектов, наиболее успешный из них — Европейский Союз. Нельзя говорить о том, что этот проект выдыхает-

ся либо терпит поражение (по Марку Твену, слухи о его смерти сильно преувеличены).

Во французском праве существует жесткое разделение между законами и регламентами. Закон — то, на что необходимо получение согласия парламента, регламент — то, что проводится в упрощенном порядке. Целый ряд новейших институтов европейского права действует на основе регламента. Появился европейский товарный знак, который подменяет все национальные товарные знаки, действующие на территории Европейского Союза. Это породило огромное количество проблем. В связи с этим юриспруденция Европейского Союза и суд общей юрисдикции в Люксембурге почти на 70 % нагружены делами, связанными с этим товарным знаком.

Наш интеграционный проект, состоящий из пяти стран, исходит из иного принципа — никаких покушений на суверенитет. В этом заключается принципиальное отличие этих двух интеграционных проектов. Все можно заимствовать, но с умом.

Е. А. ПЕТРОВА: — В предыдущих выступлениях неоднократно звучал термин «наднациональное право». Как Вы соотносите интеграционное и наднациональное право?

В. Л. ЭНТИН: — Мне понравились рассуждения предыдущих выступающих по поводу того, что никакого понятия в чистом виде не существует. Есть определенные элементы наднациональности в том плане, что задействованы элементы принятия решений по принципу не консенсуса, а квалифицированного большинства. В этом случае возникает возможность навязывания тех или иных решений. Но не все интеграционные проекты готовы развиваться так далеко.

Г. М. РЕЗНИК: — Предоставляю слово профессору Георгию Генриховичу Бернацкому.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Вчера на панельной дискуссии наш коллега из Польши господин Колодко говорил о том, что глобализация — это необратимый процесс. В мире действуют закономерности необратимого глобализационного процесса. Но мне представляется, что такое понимание мира однолинейно и плоско. Я полагаю, что он развивается скорее циклически согласно закону, по которому интеграция сменяется дифференциацией, а дифференциация — интеграцией. В Книге Екклесиаста сказано: «Время разбрасывать камни, время собирать камни». Полагаю, что процесс глобализации в настоящее время подходит к кризису, и мы находимся на этапе скорее деглобализации и деинтеграции. Вчера выступал замечательный публицист Третьяков, который сказал, что глобализация уже всем надоела и он не верит в нее. Более того, он не верит и в конвергенцию. Виталий Товиевич утверждает, что это все скорее мифы о таких процессах и мы едва ли в настоящее время можем их наблюдать.

Почему глобализация надоела? С чем мы сталкиваемся в настоящее время? Как я уже сказал, мы сейчас находимся на этапе деинтеграции и деглобализа-

ции. Был период времени, когда глобализация действительно приносила хорошие плоды и в основном рассматривалась как позитивный процесс, но в последнее время мы наблюдаем ситуацию, когда глобализация становится скорее разрушительной, деструктивной, а не созидательной силой. Например, мы сталкиваемся с мировым терроризмом как с глобальным явлением, но это, конечно, деструктивное и противоречащее глобализации явление. В. Д. Зорькин, выступая в Москве на международном форуме юристов, говорил о том, что ИГИЛ и терроризм в целом — это страшное явление, которое задевает такие доцивилизационные, архаические, варварские силы, которые ведут к разрушению всего, что было создано человечеством. Ведь террористы стремятся разрушить все элементы, так или иначе связанные с цивилизацией, уничтожить музеи, Пальмиру, памятники, убить христиан, которые олицетворяют элементы цивилизованной действительности.

Почему возникло такое ожесточение против всех элементов цивилизованного мира? В. Д. Зорькин говорит, что это ответ на безудержную глобализацию и демократизацию, которую пытаются установить западные цивилизации, в частности Соединенные Штаты Америки, в том числе и в странах Востока. Он утверждает, что нельзя за один год насадить в стране демократию, если там никогда не было цивилизации. Ведь на Ближнем Востоке, в Китае никогда не было демократии в западном смысле и никогда не будет. Если мы распространим в Китае демократию в западном смысле, эта страна погибнет. Можем ли мы насаждать демократию против воли? Хотя принцип демократии записан в международном документе и является общепризнанным, глобализация, основанная на этом принципе, который вроде бы общепризнан, но насаждается насильственным путем, разрушает, а не созидает, является деструктивной силой. Тенденция глобализации как разрушительной силы, по-моему, в последнее время начинает преобладать, поэтому многие страны шарахаются от глобализации, не принимают и отторгают.

Всем известен принцип свободы слова и средств массовой информации. Когда в мире господствовали западные средства массовой информации, они утверждали, что принцип свободы слова и средств массовой информации непоколебим и должен проводиться безусловно. Но когда на территории США появился российский информационный канал “Russia Today”, который начал говорить нечто противоположное, Конгресс США принял решение ограничить эфир, потому что там говорят не то. Получается, американцам не нужна глобализация, основанная на принципах свободы слова, потому что они хотят слушать только то, что хотят услышать, и ничего другого.

Международные суды как проявление глобализации — в общем позитивное явление. Кто будет прямо выступать против решений международных судов, которые рассматривают вопросы на основе общих принципов, справедливости международных конвенций и т. д.? Но оказывается, что решения международных судов могут носить и деструктивный, разрушающий характер. На прошлых Лихачевских чтениях лорд Мойнихен сказал, что в парламенте Великобритании

серьезно обсуждается вопрос о выходе этой страны из-под юрисдикции международных судов. Сам он против этого, но большинство видных юристов Великобритании выступают за то, чтобы это сделать. Потому что если они принимают решение международного суда, то оно становится для их системы прецедентом. А как встроить эти прецеденты в ту систему, которая уже существует? У них есть общее право, право справедливости, и тогда они должны надстроить третью ступеньку — право европейских судов, решения которых будут разрушать то, что британцами сформировано как правовая система Великобритании.

Можно сослаться на постановление Конституционного Суда РФ об исполнении постановлений Европейского суда по правам человека. Недавно было принято решение, которое можно сформулировать так: Конституционный Суд РФ позволил не исполнять решения Европейского суда по правам человека, если они противоречат Конституции РФ. По поводу этого решения было много спекуляций и разных мнений. Мне кажется, что это правильное решение, которое я приветствую. Оно послужило неким средством защиты от возможной политической и экономической экспансии на нашу страну через юридические решения. Вообще я восхищаюсь тем, что наши юристы — судьи Конституционного Суда приняли такое ювелирное, грамотное решение, которое позволило найти способ защищаться от разрушительных явлений, которые мы могли испытать.

Повторюсь: сейчас мы находимся на этапе скорее деглобализации и деинтеграции, и, к сожалению, это все может закончиться войной. А процесс глобализации подходит к концу.

В. А. КОВАЛЕВ: — Глобализация — это миф или действующая деструктивная сила?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Здесь заложены некие противоречия.

В. А. КОВАЛЕВ: — Она объективно существует?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Глобализация объективно существует, но из конструктивной силы становится деструктивной.

В. А. КОВАЛЕВ: — Под влиянием мифа?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Нет, о мифе были не мои слова, а Третьякова, который говорил, что не верит ни в глобализацию, ни в конвергенцию.

В. А. КОВАЛЕВ: — Я хотел бы заметить, что, допустим, колонизация была формой глобализации. Вы согласны с этим?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Да, конечно. Она началась еще в Античности.

В. А. КОВАЛЕВ: — На мой взгляд, деструктивный потенциал колонизации XIX века на несколько порядков выше, чем деструктивный потенциал ИГИЛ, пото-

му что террористы разрушают в небольшом пространстве, а во время колонизации европейские колонисты не только разрушали культуру, но и уничтожали целые цивилизации.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Эллинизм был позитивным явлением.

В. А. КОВАЛЕВ: — Но Александр Македонский предварительно стер с лица земли Персеполь.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Конечно, существуют негативные моменты. Но надо рассматривать разные стороны медали.

В. А. КОВАЛЕВ: — Я просто хочу сказать, что современная глобализация не такая уж большая деструктивная сила.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Академик Степин говорит, что в настоящее время актуальны три большие проблемы — это мировой терроризм, экологическая проблема и разрушение личности. Причем они взаимосвязаны. Аморальный человек разрушает природу и уничтожает культуру. И мы оказываемся в такой ситуации, когда сами себя уничтожаем. По оценкам В. С. Степина, мы можем сами себя разрушить довольно быстро, уничтожая природу и друг друга. И Пальмира тоже разрушена такими людьми.

Шамиль ЭЛЬБУКАЕВ, студент III курса СПбГУП: — Вы затронули тему эллинизма. Как мне представляется, эллинизм также был проявлением глобализации — это было насаждение греческой культуры. Если говорить о настоящем времени, то, как мне кажется, глобализация — это насаждение западных ценностей, а терроризм — ответная искаженная реакция на данное явление. Может быть, в целях борьбы с терроризмом пора свертывать проект «глобализация»?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Я исхожу из концепции академика В. С. Степина, который сказал, что современная западная техногенная цивилизация сформировалась 400–500 лет назад и дала великолепные образцы науки, техники, культуры и т. д. Но сейчас, по Степину, эта цивилизация приходит к закату. Потому что цивилизация, основанная на конкуренции, индивидуализме отдельной личности, то есть либеральная цивилизация, постепенно исчерпывает себя. Идея Степина состоит в том, что мы стоим на пороге создания новой цивилизации. Какой? Не конкурентной, основанной на личной выгоде, личном успехе и индивидуализме, а той, которую он называет договаривающейся цивилизацией, основанной на союзе. Может быть, она, как полагает В. С. Степин, придет с Востока. Например, идеи Конфуция и китайская культура основаны на стремлении договариваться, а не уничтожать человека в суде или конкурентной борьбе на рынке.

Г. М. РЕЗНИК: — Какую конкуренцию Вы имеете в виду — между людьми, в индивидуальном порядке,

или между странами? Или у Вас понятие конкуренции охватывает и тот, и другой вариант?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Конкуренция начиналась в странах капитализма как борьба между товаропроизводителями.

Г. М. РЕЗНИК: — Вы полагаете, что сейчас к закату идет цивилизация, которая складывалась в течение 400–500 лет?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Это мнение академика Степина. Я полагаю, что глобализация заканчивается с закатом западной цивилизации. И мы наблюдаем этот закат. Академик Глазьев вчера правильно сказал, что американцы проиграли китайцам конкурентную борьбу в экономике. Теперь они боятся проиграть конкурентную борьбу в политике, военной сфере, поэтому возникает борьба за периферию — отстоять хотя бы позиции на Украине, чтобы удержаться, но им не удастся это сделать.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется доценту Екатерине Алексеевне Петровой.

Е. А. ПЕТРОВА: — Уважаемые коллеги, я хочу вернуться к теме нашей секции — «Национальное право в условиях глобализации» — и обратить внимание на те изменения, которые происходят в национальных правовых системах под влиянием глобализации.

Остановлюсь на двух моментах. Первый момент — это сближение национальных правовых систем и появление у них черт, не свойственных тем правовым семьям, к которым они принадлежат. В связи с этим та классификация, которая была предложена Рене Давидом, уже не вполне накладывается на современный правовой мир. Проиллюстрировать это можно на примере российской правовой системы, которая, как известно, в течение советского периода представляла социалистическую правовую семью, а потом оказалась перед определенным выбором своего дальнейшего правового развития.

Сейчас мы говорим о том, что у нас больше черт романо-германской правовой семьи, но со стороны практиков высказываются мысли о необходимости признания прецедента в качестве формального источника российского права, а прецедентная система свойственна уже иной правовой семье — англо-американской. В то же время и в англо-американской правовой семье происходят эти изменения, поскольку там усиливается роль статутного права, и среди прецедентов уже более значительную роль играют не классические, так называемые чистые прецеденты, а прецеденты толкования, которые основаны на статутном праве. Таким образом, происходит смешение черт, присущих различным правовым семьям, что позволяет говорить о формировании неких комплексных правовых систем.

И второй момент, о котором сегодня уже говорили, — это унификация национальных правовых систем на основе общепризнанных принципов и норм международного права и международных стандартов.

Я имею в виду в первую очередь международные стандарты в области прав человека. Сегодня уже говорилось о том, что необходимо учитывать особенности цивилизационного подхода к правам человека в различных цивилизациях и культурах. Это несомненно, но мы должны понимать, что международное право не дает и не может дать исчерпывающего перечня прав человека. Оно дает тот минимум, который должно обеспечивать любое государство, претендующее называться демократическим и провозгласившее эти принципы частью своей национальной правовой системы, как это закреплено в Конституции России. И уже в национальном праве эти минимальные стандарты конкретизируются с учетом особенностей национальной правовой системы.

Считаю, что высшей формой сближения национального и международного права является то, что я в своем докладе назвала термином «наднациональное право», но после выступления Владимира Львовича я готова изменить этот термин на «интеграционное право», которое сочетает элементы национального и международного права. Таким образом, эти процессы действительно свидетельствуют о сближении, изменениях национальных правовых систем. Но при этом важно, чтобы все-таки сохранялись национальная правовая идентичность и правовая культура. В связи с этим хочу закончить свое выступление девизом, который лежит в основе европейского права. Хотя здесь в определенной степени критиковали Европейский Союз, но его девиз мне нравится. В английском варианте — “Unity in Diversity”, в русском — «Единство в многообразии». Это единство в многообразии, наверное, и есть та цель, к которой должны стремиться национальные правовые системы в условиях глобализации.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Вы нарисовали идиллическую картину в этом лучшем из миров. Но все это пока сомнительно. Если принимаются добросовестные судебные решения — это здравомыслие. В советские времена я был юрисконсультom. Когда принимался закон, он обычно требовал комментариев каждой из сторон. В общем, это здравая мысль, что надо исправить ситуацию.

Е. А. ПЕТРОВА: — Давайте будем ориентировать студентов на идеальный вариант права, а критикуют пусть политики, социологи и др. Мы, юристы, нарисуем для студентов, по крайней мере сейчас, идеальную картину права, а потом пусть они разочаровываются.

Г. М. РЕЗНИК: — Это правильно, что они разочаруются, когда начнут критиковать как юристы. На трибуну приглашается кандидат юридических наук Василий Алексеевич Токарев.

В. А. ТОКАРЕВ: — На пленарном заседании прозвучало такое сравнение: журналист — это сплетник. А юрист тогда кто? Известно высказывание М. Лютера: «Юристы — плохие христиане». Ключевое слово здесь — «плохие», и это понятно: юристов всегда ру-

гали, ругают и будут ругать. Наверное, в русской литературе сложно найти пример хорошего, позитивного юриста. Кто мы? Как нам себя идентифицировать? Размышляя над этим вопросом, я на днях зашел в книжный магазин и увидел на полке книгу известного итальянского философа, писателя, гуманиста Умберто Эко «Сказать почти то же самое». Я подумал, что это сборник рассказов или новый роман, полистал — оказалось, это книга о теории перевода, работе переводчика. Так вот, не являемся ли мы, юристы, такими же переводчиками? Мы переводим язык фактов на язык права. Вспомните кота Матроскина, который подробно объяснял Шарику, чей теленок и почему. Не переводим ли мы, когда заимствуем или критикуем зарубежный опыт? И наконец, не переводим ли мы, когда вводим в родной язык термины, понятия, категории из другого языка? Здесь срабатывает это настораживающее «почти». Почти то же самое, да не то.

Приведу три примера. Первый пример: мы не к месту говорим о правовом государстве, забывая о том, что этот термин имеет своего партнера — государство права. Правовое государство и государство права — мы забываем о втором и говорим только о первом. Еще один термин — субъект права. Сегодня Владимир Георгиевич говорил о правах личности. Рассуждая о правах человека, свободах, мы понимаем, что термин «субъект права» нас не устраивает. Это слишком формализованный термин. Как будто бы тебя определили, назначили субъектом права, повесили ярлык. «А почему я субъект, что я для этого сделал?» — «Неважно. Ты соответствуешь определенным критериям?» — «Да, соответствую». — «Значит, ты субъект права». Кто такой правовой субъект? Этот термин сегодня активно используется в зарубежной научной литературе. Это тот, кто, во-первых, имеет право быть услышанным и, во-вторых, готов взять ответственность за сказанное. Тогда это правовой субъект, а не просто субъект права, которого наделили какими-то правами. Он не чувствует себя правовым субъектом.

Второй пример — Конституция РФ. Часто можно услышать, что она похожа на французскую. Да, безусловно, особенно ст. 3 — и там, и там говорится об одном и том же: «Народ является обладателем суверенитета». Но Конституция Французской Республики говорит о национальном суверенитете, а в российской сразу два отличных момента — народ назван не обладателем, а носителем, и не указано, какого именно суверенитета. Но в русском языке можно быть обладателем, например, всей полноты власти, а что значит носитель? Носитель какой-то болезни, переносчик заразы? Флешка — носитель информации. Она не обладает информацией, она используется для переноса информации. И какой это суверенитет — национальный или народный? Далее в Конституции говорится о президенте, парламенте, подчеркивается суверенитет Российской Федерации, то есть государственный суверенитет. А кто тогда является обладателем национально-народного суверенитета? Этих фраз нет.

И третий пример. Когда французские коллеги попросили меня перевести для них закон о гарантиях для президента, прекратившего осуществление своих полно-

мочий, я взял учебник по конституционному праву, где мне встретилась такая фраза: «В числе прочих гарантий возможность получать качественное медицинское обслуживание». Я дословно перевожу на французский «качественное медицинское обслуживание». Французы спрашивают: «Подождите, а что, есть некачественное?» Поскольку я родился и вырос в России, то, естественно, мыслю в категориях, привычных для меня. Конечно, есть качественное и некачественное, как осетрина второй свежести, что для них удивительно. «Уберите», — сказали они. Я возразил: «Тогда смысл потеряется». Если просто получить право на медицинское обслуживание, то в чем тогда преимущество бывшего главы государства? Непонятно. Если мы задумываемся о том, какими терминами пользуемся, как работаем в качестве переводчиков, то в этом случае ступаем на поле культуры и право становится явлением культуры.

Сегодня многие говорят об аккультурации в праве, то есть о взаимопроникновении правовых норм, понятий, ценностей. Это здорово, но на пути этого процесса возникают две большие проблемы. Первая заключается в том, что это разнонаправленные векторы. Давно замечено, что на Западе право вторгается практически во все сферы общественной жизни, происходит то, что называется номофилией, слишком завышенными ожиданиями от права. В результате люди начинают говорить на языке права, не задумываясь об этом. Например, во французской прессе сегодня часто пишут о беспристрастном государстве. Разве мы находимся в зале суда, на судебном процессе? Почему государство беспристрастно?

И вторая проблема — это готовность изменить свою позицию. Можно говорить о том, что в Китае нет права, что в советской России не было права, но можно попытаться понять другую культуру. Для этого необходимо установить универсальные основания права. И мне кажется, что таковыми являются, во-первых, тезис об универсальной структуре мышления. Еще в XX веке антропологи сказали: «Мышления не бывает цивилизованного или нецивилизованного. Структура мышления универсальна». И во-вторых, осмысление правовой ситуации.

Сегодня много говорили о свободе, и я вспомнил выражение: «Прежде чем говорить о свободе, вспомните ту ситуацию, когда вы почувствовали себя свободным». Чтобы говорить о праве в условиях глобализации, национальном и наднациональном праве, вспомним ситуацию, когда мы почувствовали себя правовым субъектом, и продолжим нашу дискуссию.

В. В. ЛАПАЕВА: — Вы справедливо сказали, что надо ввести универсальное понятие права, иначе вообще нет предмета для разговора, критериев для оценки. И правильно связали это понятие с разумностью человека — универсальным человеческим качеством. Мне кажется, необходимо установить дальнейшее взаимодействие понятия права с разумностью. С помощью каких категорий это можно сделать?

В. А. ТОКАРЕВ: — Ответу, вернувшись к тому, с чего начал свое выступление. Правовой субъект —

это первая категория, правовая ситуация — это вторая категория, и личная ответственность — это третья категория.

В. Л. ЭНТИН: — Мне понравился Ваш пассаж о переводе, и в связи с этим вопрос. Подготовка международных конвенций ведется на рабочих языках, обычно используется либо английский, либо французский, затем осуществляются переводы на другие языки Организации Объединенных Наций. Вы сказали, что перевод означает в определенной степени потерю смысла. Может быть, именно из-за переводов мы не можем договориться и возникнет новая Вавилонская башня?

В. А. ТОКАРЕВ: — Нет, я имел в виду не потерю смысла, а именно слово «почти». Речь идет о том, что переводчик сначала сталкивается с объективными трудностями при переводе. Например, встречаются понятия, не имеющие эквивалента в его родном языке, или эквивалент настолько деформирован под влиянием политических, экономических, культурных реалий, что невозможно передать этим словом тот смысл, который необходим переводчику, в том числе и юристу. Далее возникает субъективная сложность. Когда я работал во Франции и Бельгии, задавал студентам один и тот же вопрос: «Как вы считаете, права человека — это только европейская или все же универсальная ценность?», и 90 % аудитории отвечали: «Европейская ценность». Тогда следовал другой вопрос: «А для вас какие права самые важные, после права на жизнь, разумеемся?» Ответ был опять один и тот же: «Политические права. Если их у нас отнимут, мы такое государство не будем воспринимать ни легитимным, ни законным». Я им говорю: «Вы допускаете, что где-то права человека считают универсальной ценностью, где-то другие права считают более важными, например социальные?» Задумались и долго молчали. Считаю, что переводчик должен быть готов к тому, что, во-первых, ему придется сломать свои внутренние субъективные установки, стереотипы, и во-вторых, объективные факторы могут сыграть с ним злую шутку, и тогда действительно произойдет потеря смысла при переводе.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется профессору Ольге Викторовне Вербовой.

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Хочу начать свое выступление с ответа на вопрос Романа Анатольевича Ромашова: «Нет ли противоречий в определении понятия “преступление” в национальном уголовном законодательстве и международном праве?» Я считаю, что здесь противоречий нет, исходя из того что мы должны рассматривать это явление через призму источников уголовного права. По Конституции и ст. 2 Уголовного кодекса РФ (скорее всего, аналогичные статьи есть и в законодательствах, скажем, Казахстана и других государств) нормы международного права у нас являются материальным источником уголовного права, откуда черпают содержание все уголовно-правовые нормы. Исходя из этого, существует специфика применения норм международного права, поскольку они, несмотря

на признание их приоритета и на уровне Конституции, и на уровне уголовного законодательства, не могут напрямую применяться в сфере уголовной ответственности до тех пор, пока положения и нормы этого единственного формального источника не будут включены в уголовное законодательство. Мне кажется, это определенная гарантия того, чтобы нормы международного права применялись правильно, когда идет процесс их интеграции в национальное уголовное законодательство. Это позволяет учитывать специфику правовой системы и всех остальных институтов уголовного права. Таким образом, мы не находим противоречий в том, что основной признак общественной опасности находит отражение и в конвенционных нормах. Именно нормы международных конвенций в первую очередь как бы направляют государство на то, чтобы декриминализировать эти деяния, но с учетом положений основного законодательства, того, как это вписано в национально-правовую систему.

Я хочу кратко остановиться на основных направлениях развития уголовного законодательства в современный период. Сегодня мы много говорим о глобализации как таковой и в контексте названия нашей секции, о том, как этот процесс влияет на развитие национального права в целом и уголовного в частности (которое я и представляю). Мы говорим о квалификации норм и вынуждены с этим согласиться, несмотря на то обстоятельство, о котором здесь тоже много говорилось, — на каком этапе находится процесс глобализации (это уже вторичный вопрос). Проблема в том, что глобализация действительно сильно влияет на развитие правовой системы. Для нас главное — определиться, в каком направлении идти. Что касается уголовного права, то вопрос унификации норм мне представляется достаточно перспективным. Только исходя из той простой причины, что детерминация преступности во многих странах обосновывается одними и теми же факторами, бороться с преступностью мы можем посредством унификации этих норм. Иначе мы не сможем совладать с такими общественно опасными явлениями, как международный терроризм, и другими видами опасной преступности.

Другая проблема, которая высветилась в ходе наших дискуссий, касается выбора дальнейшего пути развития. На сегодняшний день нормы международного права требуют дальнейшего развития. Мы, с одной стороны, говорим даже о кризисе международного права, а с другой — призываем идти именно в данном направлении. Поэтому нам нужно как-то выправлять эту ситуацию, и если мы говорим об унификации норм международного права, то они должны развиваться дальше, а все государства — подписанты этих международных конвенций должны ответственно относиться к исполнению своих международных обязательств.

Сегодня был поставлен вопрос о так называемом национальном праве. И вопрос о том, в каком направлении идти — в сторону регионального или глобального, то есть международного права, требует своих дискуссий.

В связи с этим я хотела обратить внимание на два момента. Первое: если мы говорим о наднациональ-

ном праве, надо вести серьезные дискуссии все-таки по поводу суверенитета. Ведь вопрос о суверенитете неизбежно возникает, когда мы говорим о таких аспектах. Неслучайно вчера на одном из заседаний господин Владимир Николаевич Плигин говорил о том, что классическое определение суверенитета исчезает, когда мы переходим к вопросам наднациональных прав и наднациональным категориям. Это болезненный вопрос для каждого суверенного государства, и без серьезных дискуссий, полагаю, дальше двигаться в направлении унификации норм достаточно проблематично.

Второе: я согласна с идеей унификации, но мы не можем не учитывать особенности нашей правовой культуры. Сегодня уже прозвучало, что право является частью национальной культуры, и мы, однозначно двигаясь в этом направлении, должны учитывать, с одной стороны, специфику правовой системы каждого государства, а с другой — доктринальные основы, иначе это приведет к такой ситуации, о которой сегодня говорил профессор Графский. У нас в законодательство вносятся очень много изменений, что отчасти вызвано объективными причинами. На примере реформирования законодательства в Казахстане могу сказать, что за год действия новых Уголовного, Уголовно-процессуального и Административного кодексов был проведен мониторинг и сделан вывод о том, что необходимо внести порядка 150 поправок. Необходимость внесения большинства поправок была связана с тем, что нормы между собой не гармонизировали либо отчасти были приняты поспешные решения. Поэтому именно учет специфики национально-правовой системы должен быть обязательным. То есть глобальное направление верное, но все эти моменты должны учитываться, потому что право является частью национальной культуры. И прежде чем принимать законы, мы должны узнавать, как эти законы будут восприниматься народом в своей стране.

З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ: — Скажите, пожалуйста, с Вашей точки зрения, какой из двух правовых феноменов шире, а какой уже — правовая культура и национально-правовая система?

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Если мы говорим о правовой системе, то правовая культура является ее частью. Но когда мы говорим о культуре в целом, то право является частью общей культуры.

Г. М. РЕЗНИК: — Приглашаю на трибуну доцента Андрея Владимировича Кузьмина.

А. В. КУЗЬМИН: — Вопросы глобализации касаются каждого из нас — мы ездим за границу в отпуск, занимаемся бизнесом, научной деятельностью и т. д. Но основное, на что хотелось бы обратить внимание, — это проблема глобализации. Как мне представляется, глобализацию нужно рассматривать в двух аспектах — как результат и как процесс. Если рассматривать глобализацию как результат, то это идеал, который в принципе невозможен (у меня на этот счет нет никаких сомнений и иллюзий). Если говорить о процес-

се глобализации, то это вполне реально осязаемая процедура, комплекс мероприятий, который предполагает достижение унифицированных возможностей в правовом регулировании тех или иных общественных отношений. Рассматривая проблему этого движения на пути к глобализации, мы можем этот процесс регламентировать и говорить о том, что любая международная организация, по сути, создается по тем же канонам глобализации. Глобализация на локальном уровне имеет единственное отличие от большой глобализации — государства объединяются не в рамках глобуса, а в рамках несколько иной территориальной структуры.

В мае 2016 года в Таврическом дворце проводился международный форум «Евразийская экономическая перспектива», в котором я принимал участие. На нем невозможность глобализации в принципе была подтверждена контекстом выступлений депутатов Парламентской ассамблеи Совета Европы, которые фактически сами загнали себя в угол. Позволил себе процитировать одного из представителей Парламентской ассамблеи Тобиаса Цеха (Германия): «Мы не заинтересованы в безусловном сохранении санкций». Из этого естественно вытекает юридическая конструкция — условно-то заинтересованы, то есть верните Крым, и мы снимем санкции с России. Будет ли возвращен Крым? Нет. Это волеизъявление народа — вопрос закрыт. Будут ли сняты санкции? Нет. Вопрос о глобализации и конвергенции Евросоюза и Евразийского экономического союза в принципе закрыт, судя по выступлениям официальных представителей Парламентской ассамблеи Европы. В ближайшее время не придется возвращаться к этому вопросу. Если мы говорим о теоретической возможности конвергенции этих систем и влиянии правовых аспектов на это, то здесь можно выделить и эффекты, и риски от глобализации и глобализационных процессов. Если мы говорим об эффектах, безусловно, единое пространство позволяет более целостно вести коммерческую деятельность. Но с точки зрения публичного права у каждого свои интересы. Приводился пример: если князю Монако предложить вступить в состав Франции, он ответит: «У меня своя территория. И здесь я главный, я хозяин».

В этом плане вопрос о суверенных возможностях или новом прочтении теории государственного суверенитета достаточно актуален. Я неоднократно говорил о необходимости развития конструкции эластичного суверенитета, то есть такого суверенитета, когда государство передает часть полномочий в надгосударственную структуру, но при этом имеет возможность вернуть эти полномочия обратно. Но здесь, конечно, существует политическая опасность эти суверенные возможности навсегда оставить у внешнего надгосударственного образования либо у другого государства. Например, центр силы Евросоюза явно находится за пределами Европы.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется доктору Варга из Венгрии.

Ч. ВАРГА: — Сегодня я услышал много интересных выступлений. Хочу обобщить наиболее важ-

ные мысли — то, как вы относитесь к универсализму и частным особенностям. Вы говорите о законодательстве, правах человека и даже подчеркиваете, что эти термины существуют во всех языках. Вы говорите о том, как развивалась политика в советские времена и сейчас, о частных деталях, хотя все понимаете как универсализм. В. И. Ленин в «Философских тетрадах» высказал интересный тезис об анализе конкретной ситуации. Все мы сталкиваемся с фактами, которые происходят здесь и сейчас, и способны размышлять. Это значит, что исторический опыт, который вы пережили, является для вас окончательной истиной. В прошлом была общая теория государства и права, теперь Советского государства не существует, но у вас осталось чувство ответственности за судьбы мира, и это прекрасно. Прозвучал прекрасный тезис: слова против опыта. Слова — это общий жизненный опыт, опыт — нечто конкретное. Это отражает традиции права.

И в заключение пожелание: будьте носителями собственных традиций. Не забывая об идентичности, помните, что традиции открывают путь в будущее. Традиции нельзя сократить до консолидации с правом.

Г. М. РЕЗНИК: — В завершение работы нашей секции подведем некоторые итоги. В ст. 1 Всеобщей декларации прав человека есть следующие строки: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Поэтому, вспоминая выступление нашего молодого коллеги Василия Алексеевича Токарева, я хочу адресовать студентам один вопрос: «Чувствуете ли вы себя свободными людьми и не ущемляется ли ваше достоинство?» Как человек, который большую часть жизни прожил при советской власти и не бедствовал, могу сказать, что я ощущал недостойность своего существования. Я занимался наукой — криминологией (наукой о преступности). Кроме того, существовали науки для служебного пользования — демография, направления гуманитарных наук, потому что мы жили в несвободном обществе.

Хочу обратить ваше внимание, что большевики начали свою деятельность с того, что преступным путем захватили власть и разогнали Учредительное собрание. Ликвидировали все свободы, пропагандировали ложные лозунги: «Фабрики — рабочим! Земля — крестьянам! Мир — народам!» и бросили страшный клич: «Грабь награбленное!». Произошло абсолютно противоположное — все стали крепостными государства. И на протяжении длительного времени происходил террор. Но что предшествовало Большому террору 1937 года? Принятие сталинской Конституции, где были прописаны основные права и свободы, такие как свобода слова, свобода печати, свобода собраний. Но люди, обладавшие здравым смыслом, прекрасно понимали: когда дается какая-то свобода — это сигнал, чтобы ей не пользоваться.

Сейчас действительно все государства находятся на разных ступенях экономического, культурного и социального развития. Я полностью согласен с тем (о чем говорил в интервью «Коммерсанту»), что американцы стали вести себя на международной арене абсолютно бесцеремонно и неумно, пытаются насадить то, что не встречает понимания у большинства. Но дело в том, что биологически не просто доказано, а подтверждено, что все люди — любой национальности, любой расы — абсолютно пригодны к обучению, если живут при тех режимах, которые основаны на свободе и достоинстве. Нет таких рас и национальностей, которые ущемлены возможностью постичь знания. Существует много лауреатов разных национальностей, но преобладают евреи по той причине, что произошло их рассеивание, потому что две тысячи лет этот народ угнетался. Если бы рассеивания не было и евреи остались бы на своей территории, то, я думаю, такого научного ренессанса не произошло бы (это шутка, конечно).

В Советском Союзе режим, который рухнул, и утопия, которая внедрялась, основывались на утверждении, что «коммунизм — светлое будущее всего человечества». Я переиначу: свобода и достоинство личности и политический режим, на этом основанный, — вот светлое будущее всего человечества, по крайней мере я бы хотел, чтобы так было. Все страны проходили разные этапы: рабовладение, феодализм, авторитарные режимы, но у каждой сложились здоровые традиции, которые необходимо сохранять. Сейчас мы наблюдаем, что целый ряд стран на словах признает: «Наше общество самое свободное, мы обеспечиваем все права», но на самом деле права нарушаются. Однако интересно, что сама идея при этом не оскверняется. Потому что идея свободы и достоинства личности стала глобальной, мировой. Нельзя, нарушая ее на практике, отрицать в теории.

Соединенные Штаты Америки как государство формировались с акцентом на творчество, инициативу свободной личности. У американцев, которые традиционно с недоверием относятся к государству, получилось лучше, чем у всех остальных, основываясь на свободе, достоинстве, с разными издержками личности, сформировать, наверное, самый высокий уровень жизни. Другие страны стараются идти по этому пути, но сталкиваются с колоссальными сложностями и делают это в условиях уже поделенного мира. Я хотел бы, чтобы политические права и свободы, как в Америке, имели бы следствием улучшение социальных, экономических прав. Мне представляется, что мы должны быть привержены этой идее.

Я благодарю всех, кто принял участие в нашей дискуссии, и полагаю, что идеалы свободы и достоинства поселились в душах тех людей, которые здесь присутствовали.